

МИХАИЛ ТАЛЬ. ЧЕМПИОН, НЕ ПОХОЖИЙ НА ДРУГИХ

Михаил Таль умер в 55 лет, став символом при жизни, навечно оставив свое имя в истории шахмат.

Эмануил Ласкер был чемпионом мира 27 лет, Вильгельм Стейниц – 8, Хосе Рауль Капабланка – 6. Михаил Таль чемпионом мира был всего один год. Однако делать из этого напрашивающийся на первый взгляд вывод так же нелепо, как, скажем, сравнивать «Евгения Онегина» и «Гамлета» по количеству строк и слов. Для того, чтобы понять и правильно оценить

вклад Таля в историю шахмат, вспомним шахматное королевство пятидесятых годов, когда в него стремительно, ярко, дерзко ворвался «возмутитель спокойствия» из Риги.

В шахматном мире царила суровая и властная воля М. Ботвинника. Вместе с ним на смену хаосу и волюнтаризму пришла четкая, продуманная во всех деталях и неукоснительно соблюдаемая система розыгрыша первенства мира. В самих шахматах господствовали логика, здравый смысл, порядок, строго научный подход и метод. На доске редко возникали загадки. Все происходящее подвергалось точному анализу, и любая ситуация могла быть объяснена с помощью предельно четких и исчерпывающих терминов: «создание форпоста», «слабые и сильные поля», «удар в центре как нейтрализация фланговой атаки»... В этом строгом порядке, в этой научной трактовке не было схематизма и догматики, но дерзкие комбинации возникали лишь на твердой, хорошо и тщательно подготовленной позиционной основе, а нарушение законов в подавляющем большинстве случаев немедленно наказывалось.

Бывали, конечно, и тогда случайности. Сам Ботвинник однажды не смог выиграть у Бронштейна с лишней ладьей, но по-

добные исключения, по крайней мере, на высшем уровне, были редки и лишь подтверждали правило. В традиционном определении шахмат, как области человеческой культуры, имеющей много общего и с наукой, и с искусством, и со спортом, в пятидесятые годы особенно заметна была связь с наукой. При прочих равных условиях в шахматах побеждал тот, кто лучше знал теорию, глубже разбирался в стратегических тонкостях позиций и обладал лучшей техникой реализации достигнутого преимущества. Не владея всем этим сложным комплексом, нечего было и рассчитывать на какой бы то ни было успех.

В это самое время на шахматном горизонте появился Михаил Таль.

На него обратили внимание в 1953 году. К этому времени он уже успел стать чемпионом своей республики, но звание чемпиона Латвии весило не так уж много. Шестнадцать лет Таля сами по себе тоже не произвели особого впечатления. В стране было много молодых талантливых шахматистов, и был Б. Спасский, добившийся в этом возрасте гораздо больших успехов. И все-таки Таль заметили, заметили его смелую нешаблонную игру, богатую интуицию и в то же время далекий, быстрый и точный расчет. Многое и многих повидавший на своем веку Владас Микенас предлагал любому желающему пари, что не пройдет и пяти лет, как этот мальчик станет гроссмейстером. Спорить с Микенасом никто не стал, но его предложение вызвало лишь иронические усмешки. Высшее шахматное звание тогда было завоевать посложнее, чем сейчас. К тому же в игре молодого шахматиста из Латвии легко обнаруживались серьезные недостатки. Главным из них было пренебрежение к вечным, и, казалось бы, незыблемым законам.

Но предсказание Микенаса сбылось очень скоро, даже раньше, чем он предполагал. В 1955 году началось триумфальное восхождение Таля к шахматным вершинам, началось с ничем не примечательного четвертьфинала очередного первенства страны, в котором он стал одним из победителей и вышел в полуфинал.

Относительно невысокий результат (дележ 3-го и 4-го мест) в более чем скромном турнире не привлек к Талю особого внима-

ния, но все же кое-кто заметил, что он опять несколько раз дерзко нарушил шахматные законы. В частности, в решающей партии с А. Гипслисом, имея выбор вполне приличных продолжений, сознательно перешел в худший эндшпиль и, что самое удивительное, добился при этом успеха. Это было непостижимо. Однако более серьезные проблемы не позволили комментаторам тратить много времени на разгадывание сугубо локальной загадки.

В полуфинале Таль неожиданно даже для себя занял первое место и стал участником XXIII чемпионата страны.

В те годы только первенство СССР давало окончательную оценку, только оно определяло «кто есть кто». Первенство страны было не только серьезным спортивным экзаменом, оно было еще и тщательнейшим рентгеном, который просвечивал каждого участника. Любой из них сразу же оказывался в фокусе внимания и соперников по турниру, и комментаторов, и журналистов – всего шахматного мира. Таль блестяще выдержал эту проверку. Он поделил пятое место, провел несколько красивых атак, получил хорошую прессу. Его игра вызвала симпатии... и чуть-чуть снисходительные комплименты знатоков, ведь в нескольких партиях он опять – в который уже раз нарушал законы, играл не по правилам, но непонятным образом побеждал.

Впрочем, повода для сенсации и горячих споров Таль пока еще не дал, так как его результат вполне соответствовал его игре. В одних партиях ему действительно повезло: противники не сумели или не успели разобраться в возникших осложнениях, но зато в других он был сурово наказан за нарушение незыблемых принципов развития фигур, за превышение допустимой степени риска. Все это было нормально, логично, закономерно; уже встречалось в шахматной практике и никаких сверх эмоций не вызвало. После турнира комментаторы единодушно отметили, что Таль «обладает незаурядными способностями, очень много видит за доской и очень быстро и далеко считает».

«Загадка Таля» возникла в следующем XXIV первенстве СССР. На этот турнир собрались лучшие советские шахматисты. Не участвовали в нем лишь чемпион мира Ботвинник и экс-чемпион Смыслов. Если бы в этом первенстве Таль вошел хотя бы в первую десятку, это было бы воспринято как безуслов-

ный и закономерный успех и не вызвало бы никаких дискуссий. Но Таль, ни на йоту не изменив себе и своему «странному и непонятному» стилю, на ровном месте жертвовал пешки и фигуры, каким-то непостижимым образом затаскивал своих противников в непроходимые джунгли комбинационных осложнений, заставлял ошибаться ведущих гроссмейстеров и мастеров страны, – и побеждал, побеждал, побеждал. Первое место Таля в XXIV первенстве СССР произвело ошеломляющее впечатление. Кое-кто заговорил даже о массовом гипнозе. Взрыв шахматных страстей далеко превзошел и затмил «лихорадку 1925 года». Восторгу болельщиков, а их с каждой победой Таля становилось все больше и больше, не было предела. Тысячи рядовых шахматистов вдруг ощутили необыкновенный творческий подъем, прилив сил, любовь к комбинациям и острой раскованной игре. Ощутили жажду подвига, подобного талевскому. Стиль его побед, поразительная смелость, граничащая с дерзостью, достаточно прохладное отношение к добыванию очков и полуочков, чудеса, которые он демонстрировал почти в каждой своей партии – импонировали болельщикам куда больше, чем длительное и постепенное накапливание мелких преимуществ, отказ от чрезмерного риска, благоразумная и логичная, но суховатая и порой просто скучная «игра по позиции». Для миллионов болельщиков Таль стал кумиром на всю жизнь.

Но совсем по-другому восприняла достижения Таля шахматная элита. Нет, здесь не было ни грана ревности или профессиональной зависти, тем более, что интеллигентный, чрезвычайно отзывчивый и добрый, искрящийся юмором Таль всегда и всюду вызывал к себе только самые лучшие чувства. Растерянность, недоумение его соперников было вызвано тем, что своей игрой он подрывал основы их шахматного мировоззрения, заставлял усомниться в непреложности законов, которые они исповедовали всю жизнь. Соперники Таля ясно видели недостатки его игры, видели, что дебют он разыгрывал порой легкомысленно и чисто технической реализацией преимущества владел хуже многих из них. Но все эти недостатки почему-то не мешали ему одерживать победу за победой. По какому-то странному и очень обидному для противников Таля стечению обстоятельств они часто

допускали грубые не свойственные им ошибки именно в партиях с ним, играли слабее обычного и частенько шли у него на поводу. Очень многие из «обиженных» Талем считали, что элемент везения в его партиях играет слишком уж значительную роль.

Пожалуй, только в одном и гроссмейстеры, и болельщики было единодушны. И те, и другие с огромным нетерпением ждали следующего, XXV первенства страны. Но рядовые любители шахмат ждали как праздника успеха своего любимца, гроссмейстеры же приготовились дать ему решительный бой. Однако, хотя намерения их были очень серьезны, Таль опять занял первое место. После этого нового ошеломляющего успеха Талья уныние в стане его соперников заметно усилилось.

Талья стали просто бояться. Те средства и способы борьбы, которые до сих пор верой и правдой служили гроссмейстерам, в партиях с Талем теряли свою силу. Он мог хорошо или плохо разыграть дебют, получить перспективный миттельшпиль или не очень, но это не имело никакого значения. В какой-то момент следовал неожиданный удар, и сильные поля оказывались вдруг слабыми, конь становился сильнее ладьи, а ферзь – слабее двух легких фигур...

В межзональном турнире в Портороже Таль примерно в таком же стиле выиграл у Филипа, Россето, Панно и занял в очередной раз первое место. Впрочем, теперь болельщики любое другое место считали бы для него неудачей.

В стремительном восхождении Талья по шахматной лестнице преодоление следующей ступеньки – турнира претендентов 1959 года в Югославии – оказалось для него не столь сложным, хотя в этом турнире играли экс-чемпион мира Смыслов, два будущих чемпиона мира – Петросян и Фишер, и «вечно второй» Керес. Но сила соперников в те годы, казалось, мало влияла на результаты Талья. Таль спасает совершенно безнадежную партию с Фишером, запутывает в осложнениях Глигорича и Олафссона и так далее – и, заняв первое место, начинает подготовку к матчу с Ботвинником.

То, что Таль не случайно стал претендентом на звание чемпиона мира, теперь было ясно всем. Даже его ближайшие соперники понимали, что он играет сильнее их. Как и почему, они

пока не знали, и это мучило их больше, чем количество набираемых Талем очков. Что же касается миллионов болельщиков, то их подобные нюансы волновали в значительно меньшей степени. Для рядового любителя шахмат важно было то, что, подобно волшебнику, Таль мог оживить самую скучную, самую мертвую позицию, что он с легкостью сокрушал сильнейших шахматистов того времени, что еще прежде, чем начинался турнир, в котором участвовал Таль, можно было без всякого риска заранее называть победителя. Но даже самые преданные, самые фанатичные его болельщики сомневались в исходе матча с Ботвинником.

В сознании миллионов людей укрепилось прочное мнение, что Ботвинник вообще непобедим, что отнять у него звание чемпиона мира невозможно. В разные годы на шахматном небосклоне появлялись талантливейшие игроки, которые сметали, подобно Талю, всех и вся на своем пути, — но только до тех пор, пока на их дороге не становился Ботвинник. У шахматных законов, которые Таль так часто и удачно нарушал, не было надежнее защитника. Чемпион мира был более, чем Таль, искусным стратегом, глубже знал теорию дебютов, был очень силен в реализации преимущества, лучше всех в мире умел готовиться к встрече с конкретным партнером. Гипноз непрерывных побед претендента вряд ли мог иметь для Ботвинника хоть какое-нибудь значение. Казалось, только чудо могло помочь Талю в борьбе с ним. И чудо произошло. Ботвинник был повержен типично талевской игрой: предельно дерзкой, рискованной, с частым нарушением общепринятых законов и принципов.

Матч на звание чемпиона мира мало отличался от предыдущих победных выступлений Таля. Во многих партиях Ботвинник добивался преимущества, но не мог использовать его обычными для себя способами. В какой-то момент наступала усталость, вмешивался цейтнот, а главное, в каждой партии Таль так умело обострял позицию, избирал такие парадоксальные, порой некорректные продолжения, что Ботвинник не в состоянии был в них разобраться.

Так Михаил Таль, не переводя дыхания, стал восьмым в истории шахмат чемпионом мира.

Ровно через год Ботвинник сумел вернуть себе чемпионский титул. В 24 года Таль стал самым молодым в истории шахмат экс-чемпионом мира.

Победа Ботвинника была закономерной и справедливой. Победив Таля, он отстаивал незыблемость шахматных законов, доказав всему миру, что в достижениях Таля помимо его огромного таланта «повинно» не совершенство законов, а скорее несовершенство исполнителей. Он доказал, что владение центром и открытыми линиями, создание сильных полей и накопление мелких преимуществ – не абстрактные понятия и что неправильные, некорректные комбинации могут и должны практически опровергаться. Но, восстановив своей победой над Талем веру в шахматные принципы и законы, порядок, логику и научный подход, Ботвинник все-таки не мог уже, как не мог бы это сделать и никто другой, вернуть шахматы в прежнее, доталевское состояние. Ботвинник не мог – впрочем, он вовсе и не ставил перед собой таких задач – заставить миллионы шахматистов отказаться от риска, дерзания, поисков новых путей, отказаться от критического отношения к догмам и авторитетам.

После потери звания чемпиона мира Таль не утерял своего феноменального таланта, он не стал хуже считать варианты, не лишился своей знаменитой интуиции. И все же до прежних высот он уже не поднимался.

До конца своей жизни Таль оставался, однако, одним из сильнейших гроссмейстеров нашего времени. За десятилетия, которые прошли со времени матча-реванша, Таль завоевал больше 30 первых призов, то есть не реже раза в год оказывался победителем крупного турнира, четырежды становился чемпионом СССР (трижды – в дележе), стал одним из победителей крупнейшего «Турнира звезд» в Монреале и, как правило, блестяще выступал в командных соревнованиях. Однако в отличие от пятидесятых годов, когда Таль с завидной легкостью и постоянством брал только первые места, в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые никто, в том числе и он сам, уже не мог заранее угадать предстоящий результат. После триумфального успеха он мог очутиться «в глубине» турнирной таблицы. Пожалуй, никто из ведущих современных шахматистов не доставлял своим

болельщикам ни столько радостей, ни столько огорчений. Человеческое и шахматное обаяние Таля было так велико, что большинство его приверженцев все годы ждало от него новых чудес. И порой Таль, как в свои лучшие годы, демонстрировал их. В 1972 году он сыграл, чуть ли не сотню беспроигрышных партий, занял подряд пять первых мест. Но затем в самом важном соревновании – межзональном турнире в Ленинграде, где его уже видели победителем, – замкнул первую десятку.

В Риге в 1978 году на очередном межзональном турнире он блестяще занимает первое место, заставляет говорить о себе как об одном из вероятнейших претендентов на матч с чемпионом мира – и сразу же вслед за этим терпит бесславное поражение от Льва Полугаевского.

Шахматная судьба Таля во многом может быть объяснена его чисто человеческими особенностями.

Пытаясь понять перепады в игре Таля, причины его фантастического взлета и столь короткого пребывания на шахматном троне, многие ссылались на его плохое здоровье. Конечно, это могло иметь значение, но не решающее. Шахматы сегодня, как и любая другая область человеческой деятельности, для высшего успеха требуют полного самоотречения. Отдал ли Таль все-таки себя, без остатка, шахматам? Вряд ли. Щедро, безмерно одаренный человек, эпикуреец по натуре, он не желал отказываться от многочисленных радостей повседневной жизни даже ради шахмат, в фантастической любви Таля, в которой сомневаться не приходилось. Никто за всю историю шахмат не становился чемпионом мира так быстро, как Таль. Огромный талант вознес его на самую вершину в рекордно короткие сроки. Для того, чтобы пройти вторично этот путь, нужно было много и настойчиво трудиться, «пролить много пота». Таль не умел, да вроде бы и не хотел этого делать. Находясь всю жизнь в атмосфере непрерывного и всеобщего восторга и обожания, Таль привык к триумфам, но к триумфам немедленным. Готовиться к успеху исподволь, годами, в кабинетной тиши – это занятие было не для него. Наоборот, в разгар подготовки к самому ответственному соревнованию рвануться на блицтурнир в другой город, просидеть три часа в аэропорту, схватить первое попавшееся такси, под восторженные

приветствия болельщиков появиться в турнирном зале с опозданием чуть ли не на целый час и, триумфально заняв первое место, стремительно вернуться в Ригу, – в этом весь Таль. Легкий в общении, щедрый на дружбу, артистичный, он порой, похоже, получал большее удовольствие от пресс-конференции после победного турнира, чем от самого турнира.

Но нельзя при этом не признать, что Таль не имел права так относиться к шахматам, к огромному от природы, от Бога таланту. Если человеку так много отпущено, по божеским и человеческим законам он не имел права растранировать свой талант. Это грех. Его великое дарование перестает быть его личной собственностью. Оно уже принадлежит всему миру со всеми вытекающими отсюда последствиями. Полагаю, что Таль никогда об этом не задумывался. Наверно, если бы ему кто-то сказал об этом, он рассмеялся бы ему в лицо. Таль хотел жить в свое удовольствие и ни в чем себе не отказывал. Он неумеренно пил, чересчур увлекался женщинами, о режиме не имел ни малейшего понятия и никогда не соблюдал его. Один мой знакомый журналист сказал мне: «Если бы Таль жил по-другому, он не был бы Талем». Сказано красиво, но вряд ли верно.

Талю мало было занять первое место, ему важно было занять его с блеском, мало просто выиграть партию, ему нужно было выиграть ее под аплодисменты, пожертвовав для этого хоть полкомплекта фигур. Наполеон когда-то учил своих маршалов: «Нельзя добиться успеха, если наносишь удар каждым пальцем руки отдельно, ее нужно сжимать в кулак». Таль не сконцентрировал весь свой замечательный талант на одном поприще, для этого ему пришлось бы отказаться от всего остального. Но тогда это был бы уже не Таль. В его шахматной жизни все было «незапрограммировано», зыбко, неустойчиво, непредсказуемо. Но как бы там ни было, то, что Таль сделал для шахмат, переоценить невозможно. Таль совершил шахматный подвиг. И если шахматы – полноправная сфера человеческой деятельности (а иначе о них и не стоило бы так много говорить), то значение талевского подвига выходит за рамки одних лишь шахмат. Ибо он научил тысячи людей дерзать, не преклоняться перед авторитетами и всегда стремиться к победе.

КРУШЕНИЕ

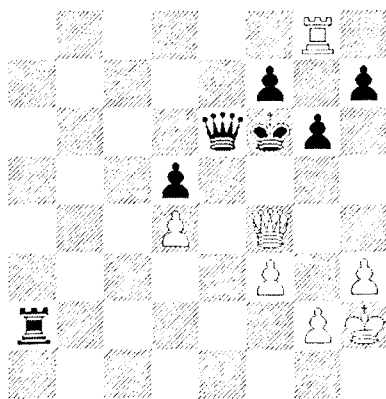
В то утро 14 февраля 1958 года рижане, обычно спокойные и невозмутимые, не смогли усидеть дома. Невзирая на расстояние, в столицу Латвии приехали даже жители далеких хуторов. Многие из них, боясь опоздать, прибыли в город еще вечером предыдущего дня. К утру людские потоки затопили улицы и переулки в районе Дома офицеров, где игралась, или, вернее доигрывалась всего лишь одна партия XXV первенства СССР по шахматам. Но эта единственная партия решала, кому быть чемпионом страны.

Давая шах ферзем, Спасский уже понимал, что выигрыша в этом окончании нет. Утомленный ночным анализом и волнением за судьбу партии, он, пожалуй, не сумел бы сейчас сказать, где он совершил решающую ошибку. Откровенно говоря, отложив партию, он так и не смог найти ночью точный вариант выигрыша, но то, что выигрыш был Спасский не сомневался ни секунды. Чутье вообще редко обманывало его, недаром шахматные комментаторы в один голос утверждали, что по интуиции Спасскому нет равных. Выигрыш был, не мог не быть в этой позиции, которую он в другой обстановке и, быть может, с другим противником привел бы к победе десять раз из десяти. Да, с Талем шутки были плохи. В расцвете огромного таланта, преисполненный веры в свою звез-

ду, избалованный непрерывными успехами и поддержкой своих фанатичных болельщиков, да еще в родной Риге Таль был непобедим, как Антей. Одержав в блестящем стиле победу в предыдущем XXIV первенстве СССР, в этом первенстве он долго держался в тени. Но лишь немногие понимали, что Таль играет легко, без напряжения и, хотя вообще это не характерно для него, бережет силы к концу соревнования. Когда турнир вступил в решающую фазу, Таль вдруг «проснулся» и стал одерживать победу за победой, как будто его противниками были не лучшие гроссмейстеры страны, а робкие, неумелые новички. Чтобы снова стать чемпионом, ему нужно было в последнем туре победить Спасского. Но в принципе Таля устраивала и ничья – в этом случае он делил 1-2-е места с Тиграном Петросяном.

Игравший белыми Спасский все время удерживал инициативу. Он отклонил предложенную Талем жертву пешки и сам смело пожертвовал свою. Перед откладыванием партии Таль начал мирные переговоры, но на предложение о ничьей Спасский ответил отказом. Все же перед началом доигрывания Таль без особого труда уравнивал шансы. Однако Спасский продолжал играть на выигрыш. Он стал заметно нервничать. На его волнение обратили внимание даже зрители в зале. Таль прекрасно понимал душевное состояние своего противника.

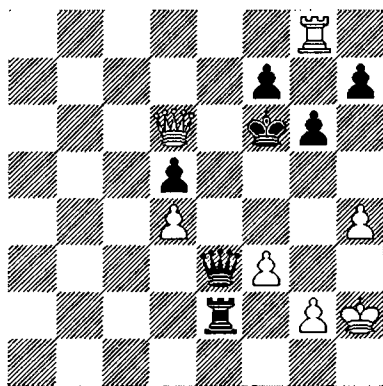
Спасский – Таль

после 41 Фd6-f4+

Если рижанин боролся за чемпионское золото, то перед Спасским в последней партии стояла, с точки зрения любого шахматиста, еще более сложная и ответственная задача. XXV первенство СССР было отборочным к первенству мира, и в этой последней партии для Спасского решался вопрос – поедет ли он на межзональный турнир в югославский город Порторож или выбудет на три года из числа соискателей высшего шахматного титула.

Спасский – Таль

после 45 Фf4-d6+

Давая шах ферзем, Спасский понимал, что выигрыша в этом окончании нет, но, понимая это, он продолжал все же надеяться на чудо. За свою шахматную жизнь Спасский не знал неуспехов, каждое новое соревнование, в котором он принимал участие, было для него еще одной преодоленной ступенькой в неуклонном движении вверх по шахматной лестнице. Осечки и неудачи случались в его практике крайне редко, но даже в этом случае находились люди, которые спешили ему на помощь, или так складывались обстоятельства, что он почти не замечал эти неудачи, ибо они никак не отражались на его спортивной судьбе. Спасский даже представить себе не мог, что сейчас, в столь ответственный момент, фортуна, до сих пор верой и правдой служившая ему, вдруг от него отвернется. Однако, несмотря на все надежды Спасского, партия неотвратимо неслась к ничейной га-

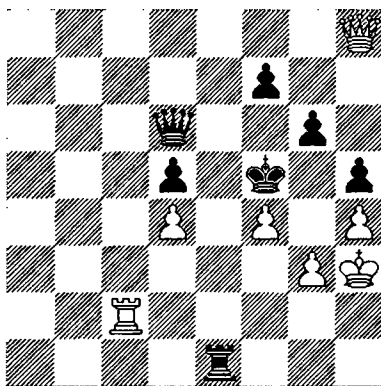
вани. Таль легко отражал не слишком серьезные угрозы своего противника, с каждым ходом погружая его во все более долгое и мучительное раздумье. Но охваченный паникой Спасский думал уже не столько об этой партии, сколько о своих упущенных возможностях и о предстоящем ему матче с Юрием Авербахом.

Только четверо из 19 участников турнира получали путевки на межзональный турнир, только четверо! Но еще несколько дней назад это не волновало Спасского. Почти все соревнования он шел на первом месте, и все считали его наиболее вероятным кандидатом в чемпионы. Незадолго до финиша, когда, казалось, ничто уже не сможет помешать ему, он неожиданно проиграл Гургенидзе. Поражение это не слишком повлияло на его турнирную судьбу, но огорченный, расстроенный неудачей Спасский почти немедленно терпит поражение снова – на этот раз от гроссмейстера Котова. После этой второй неудачи о звании чемпиона страны не приходилось уже и мечтать, но запас очков был все же так велик, что главное – выход в межзональный турнир был вполне достижим. Для этого нужно было занять не ниже четвертого места. Если в последнем туре Спасский побеждал Таля, он как раз и занимал это заветное место. В случае же ничьей между ними за четвертое место цеплялся еще и гроссмейстер Авербах, и тогда только дополнительный матч между Спасским и Авербахом определял четвертого, последнего участника межзонального турнира. Спасский не боялся Авербаха, как не боялся он никого и никогда, да и знатоки считали, что в матче с Авербахом фаворитом будет он. Но мысль о том, что он сам, своими руками обрек себя на дополнительное соревнование, что имея реальнейшие, казалось бы, стопроцентные шансы на первое место, он вынужден теперь в дополнительном соревновании бороться за четвертое, была ему нестерпима.

Только победа над Талем давала Спасскому чистое четвертое место, и уже не видя ее, не веря в нее, он продолжал машинально, по инерции играть на выигрыш. Находясь в сознании несуществующего уже превосходства своей позиции, Спасский сделал подряд несколько необдуманных, неосторожных ходов и вдруг понял, нет, еще не понял – почувствовал даже не по положению на доске, а по притихшему залу, по внезапно ставшему напря-

женным взглядом Талья, что случилось что-то страшное, непоправимое. Он надолго задумался, но было уже поздно.

Спасский – Таль

после 69 Лс8-с2

Король белых попал в матовую сеть. Выбраться из нее было невозможно. Таль сделал пару точных ходов, и Спасский остановил часы. Теперь чистое четвертое место занимал Авербах. Он уезжал в Порторож, а Спасский на ближайшие три года исключался из дальнейшей борьбы за звание чемпиона мира.

Спасский встал, поздравил своего счастливого соперника. Зал взорвался аплодисментами. Болельщики, словно вознаграждая себя за часы молчания, теперь дали волю переполнявшим их чувствам. Новость мгновенно выплеснулась на улицы, Рига ликovala.

В эти минуты всеобщего торжества никому не было дела до Спасского. А он стоял один в маленькой комнате за сценой, прижавшись лбом к стеклу, и невидящими глазами смотрел в бушующее за окнами людское море. В этот момент он, казалось, не навидел тех, кто с детских лет предсказывал ему великое шахматное будущее. Ему казалось, что жизнь не удалась. Было тогда Спасскому 22 года.